

УДК 316.334:37

ИНТЕГРАЦИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В РОССИЙСКОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ашхамахова А. А., – к.ф.н., доцент
Кубанский государственный аграрный университет

Автор рассматривает актуальные аспекты интеграции Северокавказских народов в Российское социокультурное пространство.

Глубокий общественный кризис прошедших десятилетий в России затронул изменение менталитета, обусловил его стрессовое состояние на уровне, как личности, так и этноса в целом. В какой-то момент несоответствие реакций изменившимся условиям субъективно ощущается потеря контроля над окружением, сопровождающаяся чувством тревоги и беспокойства, побуждением к новому определению ситуации. В этих условиях люди отчасти приспособливают их к себе, отчасти создают изменения, не ведущие, в конечном счете, к адапционным последствиям. Организация всех этих процессов во времени и социокультурном пространстве порождает те социально значимые черты образа жизни людей и его условий, из которых складываются устойчивые культурные образования – образцы, ценности, нормы, регулирующие деятельность, поведение, взаимодействие людей в современной социокультурной ситуации, т. е. в целом ментальность этносов. Типы реакций людей в проблемных ситуациях тесно связаны со способом контроля над окружением. На уровне этноса это выражается в постоянном сосуществовании двух параллельно текущих процессов, реализующихся в повседневной жизни. С одной стороны, рутинизация элементов образа жизни этноса удерживает и воспроизводит установившиеся нормы, привычные оценки, действия, поведение. С другой, постоянное их варьирование в связи со спецификой жизненных ситуаций постоянно

размывает границы психологических установок этнофоров на происходящие события.

Можно выделить три группы стрессов. К первым можно отнести войны и революции: длительную Кавказскую войну 1816–1864 гг., Октябрьскую революцию, а также Великую Отечественную войну 1942–1945 гг.

Интересные данные получены в результате проведенных исследований в 1994 и 2004 годах отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований под руководством профессора Ханаху Р.А. и Цветкова О.М. (в которых участвовал также и автор) по изучению сравнительных характеристик Кавказской войны[1]. Исследованием были охвачены города Адыгейск, Майкоп, Краснодар и другие города Краснодарского края, сельские населенные пункты районов Адыгеи и Кубани. Анкетированием было охвачено 977 человек, из них-140 респондентов на сайте “www.arigi.ru”.

Оценки этническим сознанием Кавказской войны чрезвычайно любопытны с точки зрения исследования логики северокавказской конфликтности и все еще имеющихся этнических проблемах (в первую очередь в Чечне). Очевидно, что предельно категорические оценки представителями меньшинств Кавказской войны, исключительно как захватнической, способны породить столь же предельно категорические требования реванша в форме «восстановления исторической справедливости» и подталкивать события к развитию по сепаратистским сценариям. В принципе, речь идет о вероятности «оккупационного» стиля мышления: маркировке России как «оккупационной» страны с последующими устремлениями выдавливания «оккупантов», ограничения использования русского языка и стремления к политической независимости. (Несколько опережая события, скажем, что исследования не подтвердили этой гипотезы; хотя и не исключено, что за границами

круга респондентов осталось некоторое количество людей, рассуждающих таким крайне радикальным образом.)

Значимость проведенного исследования заключалась также в том, чтобы определить, являются ли меры, предпринимаемые федеральной и республиканской властью, достаточными для того, чтобы снять постконфликтные травмы и синдромы массового сознания, образовавшиеся в результате Кавказской войны. Важность исследования состояла также в том, что оно позволило уточнить состояние межэтнических, прежде всего - адыго-русских - отношений в Адыгее и на Кубани.

Исследование показало, что за 10 истекших лет респонденты стали более раскованными и разнообразными в своих мнениях. Увеличилось количество ответов на открытые вопросы анкеты: вместо выбора ответа на вопрос из предложенного перечня возможных ответов, респонденты значительно чаще предпочитали сформулировать ответ самостоятельно.

Вместе с тем, как и 10 лет тому назад, у русских и адыгов по-прежнему фиксируются существенные отличия в восприятии Кавказской войны.

Особенно хорошо высветил имеющиеся различия в позициях вопрос анкеты, касающийся наличия интереса к войне. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Есть ли у Вас интерес к этому историческому событию?». Большинство респондентов – 67 процентов утвердительно ответили на этот вопрос.

Более 50 процентов адыгов ответили определенно – «да», и еще 30 процентов – «скорее да, чем нет». Таким образом, тема войны по-прежнему актуальна для абсолютного большинства (80 процентов) адыгов.

У русских ответы на этот вопрос распределились иначе. Только 27 процентов русских респондентов ответило определенно – «да». Примерно столько же (29 процентов) ответило «скорее да, чем нет». Таким образом,

количество русских, имеющих относительно устойчивый интерес к войне, составляет чуть больше половины от общего числа опрошенных.

В обеих этнических группах анкетированные признают наличие разнообразных «следов» Кавказской войны. Русские больше склонны усматривать их в состоянии межэтнических отношений (51 процент), адыги – в памятниках и названиях населенных пунктов. При этом большое количество адыгов – 44 процента – также считает, что «негативные следы» имеются и в межнациональных отношениях.

Респонденты обеих этнических групп находят также эти следы и в возвращении репатриантов на историческую родину (русские – 13 процентов; адыги – 23 процента).

При всех расхождениях в оценках войны у адыгов и русских, они сходятся в том, что федеральный центр не учитывает (или скорее не учитывает, чем учитывает) уроки войны. Суммарное количество русских считающих так – почти половина от общего числа опрошенных. Адыгов – около 60 процентов.

Представляется, что с этой оценкой респондентов можно согласиться. На самом деле, какой-либо эффективной научно обоснованной работы с использованием «инструментов тонкой настройки» по снятию постконфликтного синдрома, вызванного Кавказской войной, не ведется. Исторические (и псевдоисторические) аргументы по-прежнему часто используются в узко политических, а не общественных интересах. Наше исследование, которое выявило сохраняющуюся актуальность Кавказской войны, наличие противоречий в ее оценках, показывает, что удовлетворительного ответа на запросы массового сознания власть пока не дала. Историческая травма – Кавказская война – по сей день находится на периферии ее внимания.

Следует особо отметить, что наличие постконфликтного синдрома имеет своим следствием недоверие к федеральному центру, который со

стороны этнических меньшинств идентифицируется как «русская власть». В условиях кризиса легитимности власти, недоверие к ней, усугубляют кризисы модернизационного процесса. Это препятствует надэтнической самоидентификации, способствует борьбе и циркуляции элит, стратифицированных по этническому признаку, делает для этнического самосознания слабопроницаемыми границы антитезы «мы - они» и, в целом, ведет к взаимному этническому отчуждению. Общая картина усугубляется также тем, что на протяжении почти всей истории российской империи этнические меньшинства находились в зависимом положении. В массовом сознании «национальных окраин» сформировался образ Российской империи, которая неоднократно использовала силовые методы решения проблем (Кавказская война, депортация народов в 1943-1944 г.г., боевые действия в Чечне в конце 90-х годов XX века) и вряд ли готова к равноправному непредвзятому диалогу. Представляется, что урегулирование постконфликтного синдрома может производиться на базе традиционных для горцев ценностей (например, намысчесть, достоинство), которые во многом совпадают с общечеловеческими. Необходимо четко определить кофликтогенное содержание массового сознания в его исторической компоненте, подвести приемлемые морально-этнические основания путем беспристрастной оценки прошлого.

Вторая группа стрессов «проросла» в современность и играют очень важную роль: смена религий – переход от христианства к исламу почти всех народов Северного Кавказа, а также депортация 1943 – 1944 гг. карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей и других народов: массовые репрессии 30-х годов, шумные кампании конца 40-х начала 50-х годов, современные миграционные процессы.

Результатом этих стрессов у постсоветского человека стала заниженная самооценка, ощущение бессилия, что привело к агрессивному, деструктивному поведению. В связи с этим возникает

неудовлетворенность в базовых социальных потребностях и с постоянным переживанием чувства неудачи. Человек становится озлобленным, агрессивным и жестоким, т. е. фрустрированным. Такой человек может стать «средством» организации затрудненных отношений, в том числе и межэтнических.

Третья группа также имела огромный резонанс в изменении ментальности народов Северного Кавказа. Сюда можно отнести процесс аккультурации и кризис традиционных этнических ценностей.

Под аккультурацией в современном обществе мы понимаем такие социокультурные процессы, в результате которых представители того или иного народа, утратив свою традиционную этническую культуру и родной язык, так и не приобщаются к какой-либо другой национальной культуре, к ее ценностям. В процессе модернизации основным субъектом аккультурации становятся маргинальные слои, группы, страты и мигранты. Речь идет о том, что в процессе миграции населения со своей этнической территории, вызванной экстенсивным развитием экономики страны, образуется масса людей, которая, с одной стороны, теряет основополагающие черты своего этноса, а с другой – еще не приобрела устойчивых свойств вновь сложившихся сообществ. Именно эта группа, значительную часть которой составляют малоквалифицированные (в том числе и сезонные) работники преимущественно физического труда, создает питательную среду для возникновения национальной напряженности, обостряя проблему взаимодействия культур, двуязычия, конфликтов между местным и приезжим населением. Как показывают социологические исследования, мигранты не получают возможности для реализации своих этнокультурных запросов, особенно в сфере образования, общения, народного творчества, а также для создания очагов национальной культуры, использования средств массовой информации, свободного выбора вероисповедания. Эти объективные

обстоятельства способствуют разрушению этнокультурных традиций и обуславливают стрессовые ситуации в сознании мигрантов на индивидуальном и групповом уровне. «Эрозия» этнических ценностей наблюдается не только у мигрантов, но и в среде различных маргинальных групп и сообществ, формирующихся в крупных городах и городских агломерациях, районах интенсивного освоения. Особую группу маргиналов составляют лица, рожденные и воспитанные в национально-смешанных семьях. Их положение становится тяжелым и даже трагичным в условиях межнациональных конфликтов, в которых противоборствующими сторонами выступают национальности, представляющие родителей маргиналов.

Межнациональные браки на Северном Кавказе не редкость. Противоречия между коренным и приезжим населением в сфере культуры имеют два аспекта. С одной стороны, возникает реакция неприятия у местного населения, если мигранты не обладают достаточной культурой межнационального общения, не уважают их обычаи и традиции, замыкаются в своих сообществах, не изучают языка коренной национальности, жалуются на дискриминацию. Кроме того, при конкретных исследованиях выявляется острая реакция местного населения на то, что среди мигрантов находятся люди, поведение которых близко к антисоциальному – «летуны», «бичи», «бомжи» и т. д. Нередко именно по ним коренное население судит о народах, с которыми оно прежде не имело непосредственных контактов. Положение усугубляется и тем, что в ряде мест все больше распространяются аномические тенденции, девальвируются социально-интегративные ценности, базирующиеся на взаимной доброжелательности, готовности прийти на помощь, терпимости и т. п. В результате возрастание напряжения между объективным процессом унификации, вызванное модернизацией, и стремлением сохранить традиционные ценностные ориентации в

межнациональных отношениях. Это напряжение ведет к распространению антиобщественных проявлений и националистических движений.

Что же собой представляет процесс этнической миграции и этнической маргинализации в обществе, который многие социологи определяют как переходный от традиционного к современному типу? В чем особенность менталитета мигрантов? Миграция и маргинализация – взаимодополняющие, но в то же время не синонимичные понятия. С социологической точки зрения группы мигрантов, – это большие группы людей, формирование которых связано с перемещением в географическом и социальном пространствах, причем эти группы определенное время не имеют фиксированных позиций в социальной сети, а также не имеют фиксированных ролей. Миграция может связаться с процессами маргинализации, если в ходе миграции у мигрантов формируется особая маргинальная субкультура: система ценностей, установок, состояний, сознания, отражающих стремление членов этих групп воспринимать и осмысливать себя как специфическое транзитивное, промежуточное целое, которое существует только в настоящем (социальном и физическом) и не переходит в качестве транзитивной целостности в будущее. Это состояние выступает как феномен «застревания» в настоящем, что при динамике остальной социальной среды, развернутой к будущему, оборачивается для транзитивных групп и их членов консервацией субкультуры переходности, промежуточности, временности. Такое незавершенное существование, сохраняя долгое время свою целостность, претерпевает всеобъемлющее одновременное устаревание. Если маргинальная субкультура не возникает, то и миграция остается простым пространственно-географическим перемещением, оказывающим, естественно, и определенное социальное влияние. В то же время маргиналы, маргинальные группы – это такие социальные группы, образование которых не обязательно связано с пространственным

перемещением; их важнейшим группообразующим признаком является формирование особой культуры транзитивной целостности. Таким образом, маргинализируются не только «пространственно-перемещающиеся» группы, но и «оседлые», в смысле постоянного пребывания в географическом и социальном пространствах, группы. Так, можно говорить о маргинализации малочисленных народов за счет большого притока в регионы их расселения иноэтнического населения. В то же время, следует отметить и процессы маргинализации национальных меньшинств за счет изменения их положения в социальной организации многонациональных сообществ и формирования сложной системы социальных ролей, предписывающих транзитивное поведение.

Маргинализация традиционных и вновь образующихся этнических и межэтнических сообществ, будучи господствующей тенденцией в кризисных общественных системах, протекает в виде процесса формирования субкультуры транзитивности, со специфическими интересами и ценностями, моделями поведения в различных сферах жизнедеятельности. Индикатором маргинальности является наличие теневого поведения, которое не вписывается в традиционные представления о стандартном поведении этнофоров того или иного народа. Обычаи и этнические традиции для маргиналов уже не выступают регулятором их поведения. При этом разрушаются традиционные этнические ценности, внедряются новые поведенческие коды, не свойственные как этнической этике традиционных народов, так и позитивным ценностям современной цивилизации. Среди маргиналов начинают широко распространяться негативные стандарты поведения и пороки индустриального общества.

В условиях кризисного общества, каким является в настоящее время сообщество народов СНГ, наряду с мирными условиями жизнедеятельности этносов в ряде регионов возникли состояния, которые

могут определяться как немирные и вызывающие усиленную межэтническую миграцию. К немирным формам межэтнических отношений могут быть отнесены различные межэтнические и религиозные столкновения, общесистемные и локальные кризисы. Они протекают в виде асоциальных и антисоциальных по отношению к мирным состояниям действий и нередко создают длительную ситуацию «ни мира, ни войны».

На уровень этнической миграции оказывает влияние и аномальное состояние экологической среды (экологические кризисы, катаклизмы, катастрофы и т. д.). Аномальное состояние окружающей среды может иметь как естественный, природный, так и антропогенный характер. Внутри этих состояний также сохраняются три перечисленные выше основания миграции. Например, межнациональные конфликты, трагедии Чернобыля, или Спитакского землетрясения, или землетрясения в Грузии породили сильные потоки мигрантов, базирующиеся на всех трех основаниях с выходом на проблемы не только внутренней, но и внешней миграции.

В зависимости от сферы жизнедеятельности и типа активности могут быть выделены различные типы этнической миграции и мигрантов. Например, для зон этнических конфликтов характерны такие группы мигрантов, как беженцы, репатрианты. Для регионов со стабильной системой межэтнических отношений характерны потоки мигрантов деловой активности (включая труд, образование, коммерческую деятельность и т. д.); потоки мигрантов компенсаторной активности (лица, стремящиеся компенсировать перекосы снабжения и распределения активностью перемещений в географическом, а отчасти и в социальном пространствах); мигранты криминогенной активности. Для мирного состояния межэтнических отношений, но в аномальной экологической среде, могут быть характерны, наряду с перечисленными группами, и

такие группы этнических мигрантов, как экологические переселенцы (форма принудительной миграции), экологические репатрианты.

Во-вторых, успехи и перекосы в культурной политике. За годы советской власти почти у всех этносов была ликвидирована массовая безграмотность, сформированы национальные кадры гуманитарной и творческой интеллигенции. Для 32-х народов Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера, Поволжья и Северного Кавказа, не имевших до революции своей письменности, были созданы учебники родного языка, а позднее на языках этих народов стали издаваться газеты, журналы, художественная литература.

Вместе с тем уже в годы культурного строительства у малых народов СССР возникли и ускорились те проблемы и недостатки, которые как бы «прорастают» в современность. Так, в процессе ликвидации неграмотности значительная часть учителей прошла ускоренную подготовку лишь на трех-шестимесячных или годичных курсах. Выпускники этих краткосрочных курсов в своем большинстве впоследствии получили заочное высшее образование. По подобному роду ускоренной схемы сформировались национальные кадры и в других сферах культурной жизни малых народов. Зачастую, не получив и малой доли необходимых знаний и навыков, люди становились учителями, работниками сферы управления, учреждений культуры, а их ученики – выпускниками средних школ. Они резко снизили уровень вузовского преподавания. Этот уровень несколько повысился только в 60 – 70-е годы, но преодолеть общее отставание, очевидно, удастся не скоро.

В 30-е годы были заложены и другие социально-политические «мины», которые впоследствии привели к крупным просчетам в культурном строительстве. За короткий срок, с 1929 по 1940 годы таджики, узбеки, татары, башкиры, и другие народы Кавказа и Средней Азии меняли свою письменность. Сначала они перешли от арабского

алфавита к латинскому, а потом – к кириллице. Этот переход осуществлялся без всякой подготовки, в результате чего они оказались полностью отрезанными от традиционной художественной национальной и научной литературы, литературного языка[2].

Различного рода войны подготовили почву для раздвоенного восприятия мира, неспособности быстро адаптироваться к изменению социальной реальности. Стрессовые ситуации в этническом сознании обусловлены еще и тем, что скорость изменения той реальной социальной среды, в которой социализируется личность как носитель этнического сознания, значительно выше скорости приспособительных реакций, установившейся на предшествующих этапах этнического развития. Поведение этнофоров в стрессовых ситуациях различно, но в принципе может быть сведено к одному из трех фундаментальных типов.

Первый тип – это попытка вырваться из ситуации, разрушить ее, активно воздействовать на внешние обстоятельства так, чтобы элиминировать их влияние, радикально сменить их. В определенных обстоятельствах такое поведение может быть успешным, если у человека есть «программа» для построения новых условий и действия в них. Однако, если в сложной среде деятельность направлена только на разрушение или полную трансформацию, результаты действий людей лишь умножают проблемы. Смена условий означает необходимость заново приспособляться к ситуации, а это проблема, решение которой требует новых затрат усилий. Разрушение условий добавляет в ситуацию беспорядочности, неопределенности, а, следовательно, увеличивает психическую напряженность ее участников.

Второй тип реагирования – это пассивное отстранение от решения проблем. Человек мирится с мыслью, что ситуация неразрешима, отказывается от каких бы то ни было действий, связанных с ее изменением. В подобных случаях люди склонны предаваться фантазиям,

мистическим переживаниям, уходить в размышление о далеком прошлом и будущем и т. п. Такое поведение позволяет человеку занять выжидательную позицию – неблагоприятные обстоятельства могут со временем перестать действовать – и экономить силы – они могут потребоваться, если подвернется благоприятный случай. Но тем самым человек поддерживает проблемную ситуацию, ощущает ее хотя бы бессознательно, т. е. напряженность полностью не снимается. Кроме того, самоизоляция не спасает человека от воздействий внешнего мира, который продолжает развиваться «без него». А это означает, что в динамичных условиях элементы среды множатся и меняются, но человек не контролирует их место в ситуации, и потому последняя постепенно теряет для него смысл.

Третий тип поведения свойствен людям, для которых ситуация оказывается субъективно - напряженной, но переносимой, и они ориентированы не на разрушение или избегание, а на изучение и «диалог» с ней. В этом случае активизирующее внимание и интерес к решению проблемы позволяет людям контролировать достаточно широкое поле своего окружения, и в то же время, отвлекаться от излишних сомнений и агрессивных побуждений. В отличие от первых двух типов представители этого типа не стараются уйти от ситуации, а проявляют намерение попробовать жить в ней.

Одним из видов социальных стрессов являются иллюзии. Главная иллюзия – неоправданные надежды россиян на возможность построения коммунизма. Она породила в народе чувство «обманутого путника».

В общественной жизни всегда есть место иллюзиям, которые находят свое отражение в трансформации менталитета. Иллюзии определяются как ложные представления (иными словами, заблуждения), связанные с определенными социальными установками индивида[3].

Социальные иллюзии – наиболее устойчивый вид заблуждений, которые вообще весьма «живучи». На это обращал внимание еще Гегель[4]. Особую прочность в истории имеют заблуждения, закрепляемые социальными интересами определенных сил общества. Мысль о связи социальных иллюзий с интересами социальных субъектов перекликается с известным положением К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «...всякий массовый, добивающийся исторического признания «интерес», когда он появляется на мировой сцене, далеко выходит в «идею» или представлении за свои действительные границы и легко смешивает себя с человеческим интересом вообще. Эта *иллюзия* образует то, что Фурье называет тоном каждой исторической эпохи...»[5]. И это интересы не обязательно консервативных и реакционных сил, но и рвущихся к власти, и господствующих правящих кругов, классов, слоев.

К важнейшим особенностям современной эпохи относятся глобальная институализация и массовая коммуникация, оказывающие тотальное воздействие на трансформацию менталитета всех общественных групп, всего населения, каким бы социально неоднородным последнее ни было. Возникновение, содержание, значение и «продвижение» социальных иллюзий связаны с различными институтами и коммуникативными процессами. Поэтому, говоря о социальных иллюзиях, нет необходимости отдельно выделять тему «иллюзии на Северном Кавказе», так как они характерны для всех россиян, и без учета этого обстоятельства нельзя понять такого специфического явления, как *калейдоскоп социальных иллюзий* – их чрезвычайно быструю смену в рамках заданной стратегии или избранного направления. Властной элите, высшему классу эта схема всегда доступней, чем оппозиции, низшим классам, ибо основные институты и СМИ находятся в руках правящих кругов. Так, властная элита России связывает надежды на экономический подъем общества со средним классом, с предпринимателями, крупным

капиталом. В качестве «спасителей» страны сегодня провозглашаются менеджмент и государство.

В современной России имеется ряд специфических обстоятельств, способствующих возникновению, широкому распространению и смене социальных иллюзий. Это и глубокие социальные противоречия, облакаемые в самые различные идеологические и политические формы, и глобальная недооценка социально-политических проблем переходного общества, стремление завуалировать их классовую природу, скрыть ее за вопросами другого рода – региональными, корпоративными, психологическими, функциональными и т. д., и элементарное невежество как реформаторов, так и их политических оппонентов.

В принципе, основной способ распознавания социальных иллюзий очевиден. Его критерий – несоответствие провозглашенного реальному, целей – результатам, лозунгов и обещаний – ожиданиям тех, кому они адресованы. Разумеется, не каждая социальная иллюзия может быть разрушена быстро и на основе прямых доказательств. Иллюзии, с помощью которых выводились на митинги сторонники демократических преобразований в конце 80-х – начале 90-х гг., были разоблачены быстро; напротив, иллюзии, связанные с великими революциями, сохранялись длительное время. Критерием социальных иллюзий является практика. Рано или поздно история все расставляет по своим местам.

Интенсивный информационно-идеологический процесс, массовая коммуникация, особенно в условиях огромной страны, выбитой из привычной общественной колеи, находящейся в тисках многолетнего кризиса и острой социально-политической борьбы по вопросу об историческом выборе, дефицит авторитетных лидеров и институтов породили и порождают множество социальных иллюзий. И хотя их появление, существование, смена и исчезновение связаны с самыми различными феноменами, однако исключено, что социальные иллюзии в

конкретных условиях образуют нечто вроде особого, относительно самостоятельного среза общественного сознания. Чтобы понять, о чем идет речь, подчеркнем, прежде всего, многообразие форм социальных иллюзий. В их числе – иллюзии индивидуальные и общественные, наивные и циничные, традиционные и актуальные, стратегические и тактические, развернутые и свернутые ограничения. Одна и та же социальная иллюзия может выступать и как массовая, наивная, традиционная или актуальная; как групповая, циничная, актуальная, стратегическая. Развернутая социальная иллюзия вызывается к жизни усилиями коммуникатора, для чего он использует мифы, дезинформацию, неадекватные научные концепции, различные технологии управления. Его усилия достигают цели, если он добивается желаемого воздействия на сознание и поведение коммуниканта, на которого иллюзия рассчитана. Это означает, к примеру, что узкий интерес представляется всеобщим и воспринимается как мотив массового поведения, реально выгодного лишь носителям узкого интереса. Чем больше расхождение между мнимыми и реальными интересами, тем меньше продолжительность действия социальной иллюзии и тем ниже эффективность происходящих в обществе изменений и процессов. Классический пример развернутой социальной иллюзии – образ ваучерной приватизации, осуществленной правящими кругами в 1992 – 1993 гг.

Что касается свернутых иллюзий, то это иллюзии несостоявшиеся или состоявшиеся не в полной мере. Такова, к примеру, иллюзорная идея создать в сегодняшней России средний класс как аналог среднему классу на Западе. Несмотря на то, что к этому прилагаются большие усилия, проект несет печать серьезного заблуждения.

Социологи также не стоят в стороне от формирования в обществе социальных иллюзий. В 1998 г. в «Независимой газете» была опубликована статья под заголовком «Граждане России: взгляд на самих

себя»[6]. В этой статье приводятся данные социологического опроса, мнения населения России в тех или иных периодах истории страны. По мнению респондентов, сталинскому этапу были присущи одно отрицательное и 7 положительных качеств; брежневскому – одно отрицательное и 12 положительных качеств, современному этапу – 10 отрицательных и 4 положительных качества. Вряд ли это можно истолковать как регрессию сознания: представители всех идейно-политических течений в целом согласились с тезисом, что СССР был первым государством в истории России, которое обеспечивало социальную справедливость для простых людей и сделало для них возможной достойную жизнь. С нашей точки зрения, эти данные свидетельствуют о несостоятельности десятилетних усилий огульно очернить советский строй и представить современную Россию обществом, в большей степени соответствующим чаяниям народа, чем советское общество. Считается, что существует зазор между действительностью и восприятием ее населением, что объективный ход событий в России обуславливает специфический характер интерпретации различных проблем респондентами, что, в конечном счете, массовое сознание консервативно и иллюзорно и будет таковым в ближайшее десятилетие.

Десять лет в России предпринимаются попытки создать социал-демократическое движение. Однако эта затея не может быть успешной: социал-демократический принцип «движение – все, конечная цель – ничто» несовместим с российским менталитетом, со стремлением в кратчайшие сроки достичь наибольших результатов. Но разве не в характере русских терпеливость? Об этом речь пойдет впереди, однако еще Бисмарк поговаривал: русские медленно запрягают, но быстро ездят. Вместе с тем в лучших образцах социал-демократизма есть полезное для современной России. Это, в частности, политическая гибкость, стремление преодолеть догматизм. Догматизм требует достижения жестко

определенных целей, например капитализма или социализма. Но в силу разных причин в России провалилось осуществление и капиталистического, и социалистического проектов. Сопровождаемые взаимными обвинениями в иллюзорности, попытки «эксгумации» этих проектов в условиях бедствующей страны – наше подлинное несчастье. Требуется нечто совершенно иное: отказ от поиска алгоритма, позволяющего оптимальным образом сочетать постепенность преобразований с развитием экономической самостоятельности не 15–20, а 80 – 90% населения. Продвижение этой идеи не примирит сторонников социализма и капитализма, но может смягчить их противостояние на основе выгодного всем компромисса, для которого необходимы, впрочем, определенные условия[6].

Однако некоторые «деятельные иллюзионисты» вошли в наши дома через ТВ, печать, радио и стали волшебниками, «исцеляющими» нас от всех бед. В связи с этим хотелось бы затронуть другую близкую тему – тему фантомов. Что понимается под этим новым модным понятием?

1990-е годы характеризовались бурным появлением специфических феноменов общественного сознания – так называемых фантомов (Ж. Т. Тощенко).

Под этим понятием имеются в виду явления, которые олицетворяют специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, оказывающие серьезное влияние на политические, экономические и социальные процессы. Носители этих форм активности обладают гипертрофированными социальными характеристиками (непомерная жажда власти, неограниченное желание обладать богатством, болезненное стремление к славе). В сочетании с личностными социально-психологическими характеристиками они присущи весьма специфическому ряду политических и общественных деятелей, представителей финансово-олигархических кругов, появление

которых стало возможным в современную переломную эпоху жизни России, в условиях коренных политических и экономических преобразований. Необходимо отметить, что фантомные явления, которые в латентном виде существовали всегда, в любую эпоху и в любом государстве, в период ломки устоев общественной жизни имеют тенденцию проявлять себя как значительное социальное явление, оказывающее весьма ощутимое влияние на происходящие в обществе процессы. Причем их влияние носит в основном деструктивный характер, проявляется на всех уровнях социальной организации, вплоть до самого низового звена нашей жизни – там, где мы работаем и живем.

Именно в 90-е годы возродились на новой основе специфические формы общественного сознания и поведения – фантомы разного масштаба и калибра. Как заметил известный публицист Ю. Богомолов, когда рухнул советский строй, появилась «как в сказке – чертовщина с первыми петухами. Первым откуда-то взялся Кашпировский с его сеансами целителюной силы. Затем на нас свалился Жириновский с его политической клоунадой, потом Мавроди с его финансовыми фокусами, вслед Невзоров и Доренко с их инфомационными медитациями. За ними на общественном поприще появилось совершенно паранормальное явление – олигарх Борис Березовский»[8]. Такие своеобразные всплески не оставались незамеченными: в публицистике, в политической риторике понятия «фантомы», «кентавры», стали применяться к некоторым экстравагантным фигурам современной общественной деятельности и эксцентричным игрокам политической сцены. Этот класс явлений можно сравнить со своеобразными протуберанцами, возмущающими политическое и общественное пространство. Кто только не прокукарекал за 1990 – 2000 годы в политике и экономике, и даже культуре, а потом сгинул, оставив после себя ошарашивающее впечатление. Все эти явления

не могли не оставить след и повлиять на изменение ментальности россиян, и в том числе народов Северного Кавказа.

В межнациональных отношениях нельзя игнорировать как общее, так и особенное в этническом менталитете. Нельзя односторонне подчеркивать отличительное и не замечать то общее, что духовно роднит народы Северного Кавказа.

Сегодняшняя дискуссия о смысловом содержании категории «менталитет» и «национальный дух», «национальный характер» напоминает 70-е годы XX века. В этот период на страницах журнала «Дружба народов» шла дискуссия между философами, историками и психологами о содержании дефиниции «психический склад наций», «национальный характер»[9]. Ученые В. А. Баграмов, Н. Джандильдин и другие считали эти понятия идентичными[10].

Другие исследователи находили эти понятия не тождественными и считали, что «национальный характер» является одним из признаков национальной общности. В ходе дискуссии ученые пришли к выводу: нельзя отрывать национально-особенное от интернационально-общего как в культуре, так и в психическом складе нации. С. М. Арутюнов подверг критике высказывание И. Е. Кравцева о том, что «у каждого народа есть свой национальный характер. Для русских характерна широта и удаль, ясный ум, храбрость, для украинцев – мягкий юмор и добродушие, прямота и радушие характеризуют белоруса, гордость и горячность – грузина, хладнокровие и прямодушие – латыша»[11].

По этому поводу С. М. Арутюнов выражает свое несогласие: получается, что одни нации наделены данными чертами характера, другие лишены их. Такая точка зрения имеет довольно широкое распространение. В литературе нередко можно встретить суждение, что национальный характер американцев отличается деловитостью, немцев – аккуратностью, французов – юмором, русских – храбростью и т. д. Но это

искусственное разграничение. Сказать, что данный народ трудолюбив, храбр и так далее, еще вовсе не значит раскрыть специфику его духовного облика или психического склада. Всем народам свойственны трудолюбие, храбрость, любовь к родине, юмор и прочие качества. Нельзя делить народы на трудолюбивые и ленивые, храбрые и трусливые, веселые и хмурые.

Эти черты характера присущи всем народам, но проявляются у каждого из них своеобразно, так как различны условия их жизни, быта, пройденного исторического пути. В силу этого у каждого народа специфическая окраска чувств, эмоций, впечатлений, манера действия. Качества психического склада, свойства национального характера вырабатываются на протяжении всей истории.

Некоторые из этих качеств не всегда проявляются с одинаковой силой. В зависимости от исторических условий, жизненных обстоятельств одни черты национального психического склада могут проявляться более ярко, другие – менее. Как пример можно взять любую черту национального характера – деловитость или храбрость, прямоту или юмор[12].

В последнее время, в художественной литературе и искусстве, исторических и других научных трудах усиливался акцент на значимости национальной самобытности, оправдывались территориальные притязания, приукрашивалась история одних народов и принижалась роль других. Как отмечается в «Обращении участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа («Крупновские чтения») к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования», эти искажения и извращения «находят свое выражение в том, что на коренное этнолингвистическое, генетическое родство своих предков с шумерами, египтянами, этрусками, скифо-сарматами и другими теми или иными известными этносами древних эпох

одновременно претендуют в разных республиках представители и тюркоязычных народов (балкаро-карачаевцы, кумыки), и адыгов (кабардино-черкесы, адыгейцы), и вайнахов (чеченцы, ингуши). Формирование же осетин прямолинейно связывают с индо-арийцами эпохи ранней бронзы (III в. до н. э.). Речь идет об этническом тождестве в эпоху бронзы вайнахов и англичан, о генетическом единстве касогов (предков адыгов) с китайцами или с казаками, а тех же казаков с половцами, о принадлежности к тюркам почти всех древних и средневековых кочевнических культур евразийских степей и о создании ими же нескольких ранних цивилизаций».

Вместе с тем доказывается, что предки современных этносов занимали огромные территории: «осетин – от Палестины до Британии, вайнахов – от Кавказа до Дона и Днестра, адыгов – от Малой Азии и до Сибири и от Месопотамии до Поволжья и Урала».

Поток этой литературы достиг своего апогея в 90-е годы, и эти данные начали перекочевывать в школьные учебники. Протесты профессиональных археологов историков в малотиражных изданиях тонут в потоке подобных псевдонаучных теорий, которые определяют формирование массового исторического сознания, «этнических мифов» поколений, формирующихся в этот период. Внедрение в обыденное сознание мысли об «утраченных» территориях предков стимулирует взаимные территориальные претензии, а также предъявление «прав» на южнорусские области, вплоть до Поволжья.

Романтизация древней и средневековой истории сочетается с заполнением «белых пятен» северокавказской истории – событий, носивших трагический характер для местных народов (Кавказская война и мухаджирство, депортации 1943 – 1944 гг. и т. п.). Сегодня такие идеи находят отклик в широких слоях населения различных этнических образований, становятся идеологической основой этноцентризма.

Интернационализация культурной жизни народов России сопровождалась ростом национального самосознания. В настоящее время эти две тенденции столкнулись. В России насчитывается более **1000** этносов и народов. И ни один из народов не довольствуется удовлетворением только своих жизненных потребностей. Каждый добивается удовлетворения своих интересов, как минимум – свободы развития, самостоятельности и самоутверждения.

Существование и развитие двух тенденций в развитии этносов подчиняется действию общемирового социологического закона, который работает в любом политическом обществе.

Первая тенденция – всестороннее утверждение этнической самобытности, борьба против этнического угнетения и диктата, сохранение себя как этноса, создание этнических национальных государств.

Вторая тенденция – развитие и учащение разнообразных связей между этносами – экономических, социально-политических, культурных, становление межэтнического кооперирования и разделения труда. Иначе говоря, нарастающая межэтническая интеграция, интернационализация всей жизни этносов.

Обе тенденции действуют постоянно и одновременно, но противоречиво и нередко конфликтно. Действие двух тенденций образует основное противоречие между интересами каждого этноса и интересами общества или государства в целом. Из основного противоречия вытекают и другие, которые порождают весьма сложные, подчас острейшие проблемы. Например, проблемы правильного сочетания интересов каждого этноса с интересами общества.

Обострение национального вопроса не только в нашей стране, но и на планете в целом, всплеск этнического самосознания и бурно протекающие повсюду этнические процессы получили наименование

«этнический парадокс». Однако парадокс связан, прежде всего, с противоречиями между нарастающей научно-технической революцией, требующей максимального кооперирования, международного разделения труда и этнической самобытностью, национально-государственной организацией народов и государств, в особенности обретших независимость недавно. Деформация национальных культур под влиянием насильственных процессов «интернационализации», их унификация и упрощение вызывают болезненные реакции у представителей многих народов Российской Федерации, в том числе и на Северном Кавказе. Следует заметить, что реализация принципа двуязычия в ряде районов наталкивается на значительные трудности. В ряде российских республик Северного Кавказа использование национальных языков в различных сферах государственной, общественной и культурной жизни ограничено. Как показывают конкретные социологические исследования, проведенные в Майкопе и Краснодаре, значительная часть национальной интеллигенции не может свободно изъясняться и писать на родном языке. В то же время, как показывает опыт, национальный язык может иметь необходимый уровень развития только в том случае, если он полноценно функционирует в основных сферах общественной жизни – образовании, науке, искусстве, средствах массовой информации и, естественно, в обыденном общении.

Надо отметить, что многие народы Северного Кавказа, особенно горожане в третьем поколении, практически не владеют национальным языком, а те, кто заявляет, что знает свой родной язык, могут изъясняться только ситуативно по необходимости. Умеют читать и писать те представители народов Северного Кавказа, которые проживали в сельской местности и посещали национальную школу.

Ксения Кнорре, анализируя подобную ситуацию, происходящую с лакским народом, предполагает, что через **30 – 40** лет в городах читать и

писать на родном языке будут уметь опять-таки только прибывшие из сельской местности. Таким образом, в ближайшие десятилетия больше **80%** наиболее социально активных представителей народа, которых принято называть образно цветом нации, не будут владеть лакским языком. Эта часть народа, в среде которой должна была бы развиваться национальная культура, традиции, литературный язык, создаваться литература и так далее, сама будет оторвана от национально-этнической почвы и родной культуры.

Этнонациональная деградация в той или иной степени угрожает и горожанам других национальностей. Но все дело в том, что если такая опасность грозит, скажем, только **30,8%** аварцев (речь идет о количестве городского населения), **31,5%** даргинцев, **33,1%** табасаранцев, **47%** кумыков, то у лакцев эта цифра составляет **63%**. К тому же нужно принять во внимание и то, что лакцы, живущие за пределами Дагестана и РФ, в абсолютном большинстве – горожане.

Картина не будет полной, если не обратить внимания на такие данные: за период с **1979** по **1989** г. население Лакского района уменьшилось на **2700** человек, а последние десять лет ежегодно в среднем **300** человек переезжает в город. Лакцы занимают ведущее место среди народов Дагестана и по темпам смены родного языка и этноязыковой деградации: процент признающих язык своей национальности родным языком (независимо от его знания или степени знания) у лакцев самый низкий – **97, 7** (у аварцев – **98, 2**, даргинцев – **98, 8**, кумыков – **99**).

По данным **1989** г., каждый **77**-й лакец родным языком признал русский язык, у аварцев – только каждый **176**-й, у кумыков – каждый **162**-й, у даргинцев – каждый **196**-й[13].

В послереволюционный период было уничтожено много архитектурных памятников, в том числе мечетей, церквей, соборов Северного Кавказа, представляющих историческую ценность. Одни из них

были разрушены, сожжены, другие превращены в клубы, склады, административные учреждения. Добротно построенные, они пережили все времена и сейчас в Краснодаре, Майкопе, Ростове, Ставрополе и других городах Северного Кавказа возвращаются верующим, реставрируются, заново отстраиваются. Однако наибольший урон культурному строительству в стране нанесли эмиграция русской и национальной интеллигенции и репрессии по отношению к ней. С самого начала советской власти выходцам из среды дореволюционной интеллигенции вплоть до недавнего времени чинились препятствия при поступлении в высшие учебные заведения. И это продолжалось. Если в отношении русской интеллигенции высказывались опасения в том, что она своими «шаткими» идеологическими позициями нанесет вред революционному классу, то вся дореволюционная национальная интеллигенция огульно обвинялась в реакционности и национализме. Естественно, старая национальная интеллигенция не участвовала в культурной революции, а лучшие ее представители были постепенно уничтожены.

Утратой многих связей с культурными вековыми ценностями объясняется, в частности, и низкая в целом языковая культура последующих поколений советской интеллигенции. Нередко сами дикторы телевидения и радио, учителя школ и преподаватели вузов неправильно произносят слова и ставят ударения.

Примитивизм и вульгарность все глубже проникают в образ мышления, снижают культуру устной и письменной речи, притупляют чувство языка, приводят к грубейшим нарушениям его закономерностей: в словообразовании, словосочетании, синтаксических конструкциях и т. д. Об этих общих для всех народов Северного Кавказа и других народов СНГ проблемах, имевших до революции национальную письменную культуру, пишут таджикские, узбекские, татарские, грузинские, адыгские, дагестанские и другие литературоведы. Репрессии против интеллигенции,

насаждение государственным руководством среди народов чуждых им идеологических и поведенческих стереотипов мешали их культурному развитию. Многие из них начали деградировать. Культурная жизнь народов была бюрократизирована и монополизирована государственными учреждениями. В настоящее время развитие социокультурных процессов происходит неровно и противоречиво.

Если употребление родного языка ограничивается кругом семьи и средней школы, то, естественно, его значение в культурной жизни этноса падает. Говоря о возрождении национальных языков народов Российской Федерации, следует рассмотреть опыт других стран бывшего СССР. Так, чтобы остановить процессы снижения функционального применения национальных языков в республиках Закавказья, а с 1988 г. и в республиках Прибалтики, в Конституцию СССР была введена статья, согласно которой языки коренных национальностей были объявлены государственными. В 1991 – 1992 гг. такое же решение приняли и остальные бывшие союзные республики распавшегося союза.

В этом отношении нужно сказать следующее. Если нация имеет свою государственность, то она вправе на конституционном уровне, законодательно осуществлять заботу о всемерном развитии национального языка как своей неотъемлемой социально-культурной ценности. Эту непреложную истину долгое время замалчивали отечественные теоретики и практики. Если провозглашение того или иного языка государственным не связано с его всеобщим принудительным внедрением и не означает искусственного создания приоритетов одному языку за счет сокращения сферы распространения других, это становится показателем зрелости цивилизованного государства. Так, в Финляндии функционируют два государственных языка: финский и шведский, хотя шведы составляют только 7% населения страны.

Однако, ни статус государственного языка, ни конкретные сферы его употребления не определены в конституциях большинства бывших союзных республик с достаточной четкостью, что служит источником столкновений в межнациональных отношениях. Понимая это, в Азербайджане, Грузии, Армении попытались гарантировать в одной и той же конституционной статье и развитие национального языка, и свободу в употреблении языков всех других проживающих в республике национальностей. Но и это не сняло противоречий. Если нация, имеющая суверенитет, объявляет свой язык государственным, т. е. делает его официальным языком управления, это влечет за собой обязательное его использование в работе государственного аппарата. А как тогда быть остальным народам, имеющим иные формы национально-государственного устройства или вовсе не имеющим таковых?

Отсутствие в отдельных звеньях государственного аппарата Российской Федерации научно взвешенного, правового регулирования использования языков, стихийное решение в каждой республике проблемы соотношения языка коренной национальности, русского и других языков в зависимости от субъективных факторов может привести к ущемлению языковых и национальных прав граждан.

Исходя из опыта языковой политики последних лет, в условиях каждой республики соотношение между различными языками может быть свое. Задача состоит в том, чтобы нормативные, в том числе и конституционные акты, не допускали никаких привилегий одним и никаких ограничений другим языкам. Это, в первую очередь, касается языков так называемых нетитульных этносов. Ведь за пределами своих национально-административных образований или не имеющих их в СНГ проживает свыше 55 млн. человек. И их культурно-языковые запросы должны быть также максимально учтены, если в современной культурной политике одной из важнейших задач становится снижение, а в перспективе

снятие напряженности в отношениях между народами, возникшей в ряде регионов России. Развитие языков в многонациональном государстве возможно лишь при обеспечении возможностей для каждого народа овладеть как собственным, так и инонациональными языками. В самом общем виде жизнедеятельность человека может быть разделена на хозяйственную (взаимоотношение человек – природа) и социальную (взаимоотношение человек – общество) деятельность. Средствами хозяйственной деятельности являются экологическая и материальная культура, средствами социальной деятельности – нормативная и духовная культура. В отношении человек – природа, экологическая культура представляет собой знание природных условий деятельности, материальная – выработанные человеком вещественные средства этой деятельности, в отношении человек – общество нормативная культура – это сложившиеся устои общения, духовная – средства самореализации личности.

Об этноэкологических кризисах и разрушении традиционной материальной культуры малочисленных народов мы уже говорили. Поэтому остановимся только на состоянии нормативной и духовной культуры традиционных этносов, соотношении этнических традиций и современной системы образования.

Нормативная культура, представлявшая в прошлом разветвленную систему установок, регламентаций, ритуалов – брачно-родственных, соседских, возрастных, межэтнических – в настоящее время существенно деформирована. Связано это с разрушением институтов самоуправления (родовых и локальных общин), структурой расселения, ликвидацией слоя социокультурных лидеров, заменой традиционного воспитания детей детсадами и школами и рядом других причин – все это приводит к утере ментальности с детства. Одной из иллюстраций может служить состояние традиционных народных празднеств, выполнявших ранее важнейшие

соционормативные функции. В трудовых коллективах никаких торжеств почти не проводится. В семейном кругу празднуются, главным образом, дни рождения, в прошлом не отмечавшиеся. Лишь в среде родственников проводятся свадьбы, почти лишенные традиционной обрядности, и похороны – традиционные ритуалы.

Таким образом, этнические нормативы сохраняются в определенной мере лишь в родственных отношениях. В сферах межэтнических, соседских связей коренные народы Северного Кавказа теряют традиционные средства общения. Даже такие наиболее высоко ценимые на Кавказе социальные качества, как гостеприимство и щедрость, не являются ныне общей нормой. В прежние времена отклонения от них считались позором. Попытки восстановить традиционные этнические нормативы, проводимые в различных районах, пока не дают результатов. Видимо, многие из нормативных атрибутов уже утрачены безвозвратно. Стандартные школьные курсы ни в коей мере не ориентированны на традиционную культуру во всех ее четырех измерениях; деятельная связь с природной средой заменяется общими положениями биологии и географии; этносоциальная ориентация – проблемами всеобщей истории и обществоведческими абстракциями; трудовое обучение осуществляется так, что подавляющее большинство старшеклассников не намерено работать по профилю полученной специальности; традиционная духовная культура полностью замещается инокультурными образцами. Адаптация к школе имеет вид ломки ментальных, т. е. традиционных и поведенческих установок, влечет за собой соционормативную растерянность и ведет к понижению самооценки. При этом процесс социализации направляется в новое русло, усвоение нормативов общения в широкой и разноликой среде происходит хаотично и фиксируется непрочно; вместе с тем достигается «эффект подчинения». Процесс индивидуализации прерывается, точнее, переходит в латентную форму: традиционные

эталонные стереотипы сохраняются, но реализуются вне школы – среди родственников в ходе продолжительного каникулярного общения; редки случаи обретения новых личностных эталонов, предлагаемых школьной воспитательной системой. Раздвоение воспитания, с одной стороны, снижает эффективность обучения в школе, с другой – ослабляет влияние традиционной среды, что порождает состояние «межкультурья». В результате устойчивость ментальности подростка расшатывается. Таким образом, процесс аккультурации традиционных этносов начинается с дошкольных учреждений и школ. На наш взгляд, причина противоречий между традициями и новациями в формировании культурных первичных эталонов этнофоров заключается в том, что школьная образовательная система учащихся ставила задачу, в первую очередь, образовательной подготовки, а затем уже усвоения элементов этнической культуры. Опыт многих восточноазиатских стран показывает, что избежать тяжелых последствий аккультурации удастся лишь тогда, когда учащиеся через национальную культуру (этнически особенную знаковую систему) овладеют политехнической и гуманитарной грамотой. Таким образом, произойдет стыковка традиционной культуры с современной. К сожалению, в условиях России у традиционных этносов такой стыковки не происходит. Проведенные нами социологические исследования у нескольких народов Северного Кавказа свидетельствуют об усилении в последние годы негативных последствий аккультурации. В результате аккультурационных процессов происходит разрушение традиционных культурных ценностей. Столкнувшись с жесткой системой социальных отношений современного общества, далеко не все школьники могут к ней приспособиться. Вероятно, этим можно объяснить высокий уровень наркомании и алкоголизма у народов Северного Кавказа, а среди молодежи этот показатель превышает общероссийский.

Человек старается найти возможность «сконструировать» свои отношения с имеющимися элементами окружения, выделяя наиболее устойчивые из них как своего рода «правила игры», которые следует принимать как исходные данные, а не пытаться их сразу разрушить или игнорировать. Ориентация на такое изменение ситуации проявляется в ее структурировании – шаг за шагом последовательном решении проблемы.

В этом процессе немаловажную роль играют этнические стереотипы в межличностном восприятии.

Известно, что стереотипы – неотъемлемый элемент обыденного сознания. Ни один человек не в состоянии самостоятельно, творчески реагировать на все встречающиеся ему в жизни ситуации. Стереотип, аккумулирующий некий стандартизированный коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими людьми, помогает ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляет его поведение. Стереотип, являясь некой упорядоченной, детерминированной национальной культурой, «картинкой мира», экономит усилия человека при восприятии сложных социальных объектов. Стереотип может быть истинным и ложным. Он может вызвать и положительные и отрицательные эмоции. Его суть в том, что он выражает отношение, установку данной социальной группы к определенному явлению.

Особенно трудно оценивать национальные обычаи и нравы. То обстоятельство, что для данного человека ближе обычаи, нравы и формы поведения, в которых он воспитан и к которым привык, вполне нормально и естественно. Чужие обычаи иногда кажутся не только странными, нелепыми, но и неприемлемыми. Это так же естественно, как естественны сами различия между этническими группами и их культурами, формировавшимися в самых разных исторических и природных условиях.

Проблема возникает лишь тогда, когда эти действительные или воображаемые различия вменяются в главное качество и превращаются во враждебную психологическую установку по отношению к какой-то этнической группе, установку, которая разобщает народы психологически, а затем и физически, и кладется в основу политики дискриминации. Это и есть этническое предубеждение – негативная, неблагоприятная установка к группе людей или ее отдельным членам. На формирование этнических негативных, отрицательных стереотипов оказывают влияние многие факторы межэтнического взаимодействия: военные действия, религия, непонимание народной культуры соседей, их индивидуальных особенностей и др.

Речь идет об обобщенной установке, ориентирующей на враждебное отношение ко всем членам определенной этнической группы, независимо от их индивидуальности. Эта установка имеет характер стереотипа, стандартного, эмоционально окрашенного образа, что подчеркивается самой этимологией слов: предрассудок, предубеждение, т. е. нечто, предшествующее рассудку и сознательному убеждению. Наконец, эта установка обладает большой устойчивостью и очень плохо поддается изменению под влиянием рациональных доводов.

Можно ли исследовать этнические предубеждения. И можно ли преодолеть их? Над этими вопросами задумывались многие российские ученые: Ю. Платонов, Л. Почебут, В. Павленко, С. Таглин, П. Сорокин, и Г. Шпет, а так же английские психологи А. Теджфел и Дж. Тернер и другие.

Любая нация интуитивно ассоциируется с чем-то, с какой-то особенностью, тем или иным образом. Интересный материал получен в результате социологического тестирования, которое проведено нами среди ста сорока двух студентов первого курса факультета прикладной информатики Кубанского государственного аграрного университета в 2003

году респондентам предлагалось выбрать из 5 – 6 слов-характеристик 5-6 наиболее типичных для народов, проживающих в Краснодарском крае. В ходе данного опроса были получены интересные оценки:

Русские – выносливые, смелые, сильные, красивые, ленивые, простодушные, патриоты.....

Украинцы – верные, трудолюбивые, скупые, храбрые, выносливые...

Адыги – мужественные, умные, гордые, строгие, преданные, горячие, патриоты...

Евреи – хитрые, умные, образованные, лживые, расчетливые, талантливые...

Армяне – предприимчивые, общительные, сообразительные, умные, наглые, мстительные, вспыльчивые...

Греки – спокойные, предприимчивые, мудрые, трудолюбивые, тщеславные, вежливые, красивые...

Уже в этом простом перечне качеств, приписываемых тому или иному этносу, сквозит определенный эмоциональный тон.

У младшекурсников еще нет богатого социального опыта. Часто их мнение – это выражение мнения их родителей, друзей по школе или по кругу их общения.

Являются ли эти оценки достоверными? Однозначного ответа дать нельзя. Надо отметить, что такие слова-характеристики как «религиозные», «аристократичные», «музыкальные», «прогрессивные», «страстные», «корыстолюбивые», «честные» вообще не были использованы студентами при характеристике этнических групп, предложенных в анкете. Однако другие слова – характеристики, такие как «трудолюбие», «мужество», «патриотизм» являются общечеловеческими, и их носители встречаются почти в каждом народе. Черты национального характера повторяются у многих, разница в том, что та или иная черта в

одном народе может быть выражена очень ярко, отчетливо впереди, а другие – на второстепенном плане.

Этнические предубеждения ограничивают сферу общения между представителями разных этнических групп, вызывают настороженность с обеих сторон, мешают установлению более близких человеческих отношений.

Отчужденность же, в свою очередь, затрудняет контакты и порождает новые недоразумения.

При высокой степени предубежденности этническая принадлежность национального меньшинства становится решающим психологическим фактором и для самого меньшинства, и для большинства. Внимание обращают, прежде всего, на национальную или расовую принадлежность человека, все остальные качества кажутся второстепенными по сравнению с этим. Другими словами, индивидуальные качества личности заслоняются общим и заведомо односторонним стереотипом.

Дискриминация, даже в сравнительно «мягких» формах, отрицательно влияет на психическое состояние и личные качества подвергающихся ей меньшинств.

Большую роль в смягчении и преодолении враждебных установок играют неформальные личные контакты между представителями разных этнических групп. Совместный труд, учеба и непосредственное общение ослабляют стереотипную установку, позволяя, в принципе, увидеть в человеке другой расы или национальности не частный случай «этнического типа», а конкретного человека.

По этому поводу интересны высказывания яркого представителя школы интуитивизма, русского философа Н. О. Лосского, который полагал, что все социальные организмы – от личности до нации и человечества – соподчинены друг другу. Организующим началом любого из этих организмов является душа. Трудность определения национального

характера и его образа состоит в том, чтобы определить, какие свойства и качества народа первичны, а какие лишь производные от них.

Н. О. Лосский считает, что первоосновой образа русского человека является его религиозность. Размышление о смысле и цели жизни – мучительный и бесконечный процесс. Благодаря этому длительному процессу появились труды русских философов С. Н. Трубецкого, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и вышеупомянутого Н. О. Лосского.

Н.О. Лосский при определении народной сути русского человека использует методологический прием – пары противоположностей: достоинства и недостатки. Так, по его мнению, главной чертой русского характера, является религиозность, антипод которой – земной реализм. Носителями его были русские революционеры-атеисты, цель которых – установление «Царства Божия на земле без Бога на основе научного сознания», т. е. религиозный мифологизм[14].

Этнические стереотипы не всегда имеют собственную логику развития и являются результатом межэтнического взаимодействия. В этническом сознании могут выработаться предубеждения и привязанности, не имеющие под собой реальных оснований. Для такого рода стереотипов Л. Н. Гумилев ввел понятие «комплементарного» – ощущения подсознательной симпатии или антипатии.

Для современного изучения проблем этнических стереотипов особое внимание обращают на себя еще два постулата из учения Н. О. Лосского.

Первый связан с гармонией культур, которая может быть положена в основу отношений между народами. «Совместно творить гармоническое единство жизни, сверкающий богатыми красками различных культур мир можно лишь в том случае, если мы будем сочувственно вживаться в чужие культуры, постигать их как свою собственную и таким образом

воспитывать в себе способность восполнять друг друга своим творчеством»[15].

Второй постулат Н. О. Лосского, не менее важный, гласит о необходимости создания разумной системы национального воспитания. Сущность нации трудно выразить в абстрактных понятиях, потому что «главным средством воспитания должны быть интеллектуальное и эмоционально-волевое вживание в самую конкретную жизнь и само конкретное содержание национального творчества так, как оно выразилось в религии, в истории, в языке, в литературе, в искусстве, вообще в культуре народа»[16].

Северный Кавказ – исторически неотъемлемая составная часть России, и, следовательно, его народам необходимо больше знать друг о друге.

Современное развитие СМИ дает возможность формирования этнических стереотипов, манипулирования широкой аудиторией радиослушателей и телезрителей. К сожалению, нередко СМИ нагнетают межэтническую напряженность. Изучение этнических стереотипов позволит определить способы ее преодоления. Без учетов этих стереотипов нельзя понять реальной проблематики взаимоотношений между этническими группами в любом регионе, как нельзя разобраться и в сложной картине федеративных отношений, и в вопросах государственного строительства.

Советская эпоха образ кавказца изменяла неоднократно. После Октябрьской революции кавказец – интернационалист, один из представителей дружной семьи советских народов. Бурное развитие «демократии» сняло табу на неприязнь к кавказцам. «Современная жизнь – 90-х гг. – констатирует образ кавказца в контексте общероссийской трансформации. Образ этот оказывается весьма обобщенным, главное в нем – ощущение беспокойства в связи с тем, что весь регион Кавказа

оказался поясом этнической напряженности, переходящей в конфликты и войны, которые на протяжении десятилетия шествовали по Закавказью и Северному Кавказу. Один из устойчивых образов кавказца в этой ситуации состоит в том, что он воспринимается в качестве «витязя» этнических войн»[17].

Сложившийся у современных россиян негативный стереотип о «лицах кавказской национальности» свидетельствует о незнании истории, этических ценностей кавказских народов, о низком интеллектуальном уровне, нравственной и политической культуре. Между тем, не существует опасных и плохих народов, есть лишь опасные и сложные ситуации, которые не являются результатом проявления законов природы и истории или же национального характера, но вытекают из общественно сложившихся условий современности.

Литература

1. Ханаху Р.А., Цветков О.М. Кавказская война (1817 – 1864 гг.). Сравнительные представления этносов Республики Адыгея и Краснодарского края. – Режим доступа: <http://www.arigi.ru/socio/journal/contents.htm>.
2. Бабаков В. Г. Кризисные этносы. – Режим доступа: <http://www.popal.ru. / article75.html>.
3. Большой энциклопедический словарь. – Изд. 2-е. – М., 1998. – С. 441.
4. Гегель Г.В. Наука логики // Соч. – М., 1971. – Т.2 – С. 63.
5. Маркс К., Энгельс Ф // Сочинения.. – 2-е издание – Т. 2. – С. 90.
6. Граждане Россияне: взгляд на самих себя // Независимая газета 17 мая 1988г.

7. Тощенко Ф.Т. Фантомы общественного сознания // Социс. – 2004. – № 12. – С. 3.
8. Круглый стол по теории наций и национальных отношений // Дружба народов. – 1966. – № 5-12; 1967. – № 1.
9. Баграмов В. А. Национальный вопрос и буржуазная идеология. – М., 1966. – С. 238; Джандильдин Н. Коммунизм и развитие национальных отношений. – М., 1964.– С. 194-196.
10. Кравцев И. Что такое отчество и патриотизм. – М.: Знание. 1960. – С. 30.
11. Арутюнов С.М. Социально-психологические факторы социалистических национальных отношений. // Вопр. нац. психологии. – Черкесск, 1972. – С. 22.
12. Кнорре К. Проблемы лакского этноса // Независимая газета – 17 февраля 2000 г.
13. Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра – М.: Наука, 1991. – С. 251.
14. Там же. – С. 324.
15. Там же. – С. 235.
16. Цуциев А. А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий // Науч. мысль Кавказа. – Ростов-н/Д, 2001. – № 2 – С. 66.